

ных прав и свобод граждан от противоправных посягательств, но и оказание помощи гражданам, которые пострадали от происшествий, правонарушений и преступлений, равно как и находящимся в беспомощном состоянии. Кроме того, функцией патрульно-постовых подразделений полиции выступает совместная деятельность с представителями российского социума по охране общественного порядка.

Несмотря на то что нормы Устава ППСП распространяют свое действие не только на сотрудников строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции, но и на сотрудников полиции, привлекаемых к охране общественного порядка, данный ведомственный нормативный документ имеет достаточно узкую специализированную направленность на правовое опосредование правоохранительной деятельности одной из многочисленных служб полиции МВД России.

К числу нормативных правовых актов МВД России, адресованных не только полиции, но и иным службам и аппаратам органов внутренних дел, принимающим участие в обеспечении общественного порядка в различного рода общественных местах, мы должны отнести соответствующее Наставление об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах¹.

Правовую основу охраны общественного порядка сотрудниками подразделений полиции при реализации ими социальной политики государства составляет значительный объем разных по своей юридической силе и значимости законодательных и подзаконных нормативных правовых актов. Все они подчинены решению правоохранительной и социальной функции российской полиции — защите общества и его представителей от противоправных посягательств, поддержанию должного уровня охраны правопорядка на всей территории Российской Федерации, создание условий для полноценной реализации Российской Федерацией своей социальной сущности, закрепленной в Основном законе страны.

Марченя Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Империя как форма бытия российской цивилизации (к вопросу о мировоззренческих императивах государственной политики в России)

Говоря о «философско-правовых основаниях социальной политики российского государства», да и в целом о глубинных мировоззренческих основаниях любых других направлений государственной политики в нашей стране, было бы методологически неверно пытаться обойти стороной корневой историософский вопрос этой темы — вопрос о цивилизационной специфике отечественной государственности, ее имперской (но подчеркнем сразу же: ни в коем случае не империалистической) исторической политико-правовой и социокультурной природе.

Сегодня исследователи справедливо отмечают: если рассматривать «в контексте современного россиеведения» всю обозримую историю России (как *де-юре* Российской империи, так *де-факто* и СССР, и Российской Федерации)², то именно имперскость была определяющей цивилизационно значимой характеристикой российской/советской/постсоветской государственности — даже тогда, когда в силу идеологических или иных конъюнктурных причин правящая элита от такой характеристики гордо либо стыдливо отрецировалась.

Союз Советских Социалистических Республик на российско-имперской, по сути, традиционной идейно-психологической основе «Третьего Рима», пусть и в ее обновленном, идеологически переформатированном качестве, преемственно продолжил исторический путь Российской империи, объединяя народы и территории извечными императивами фактически религиозной борьбы со Злом и Скверной очевидно несправедного (в марксистско-ленинско-сталинской интерпретации — капиталистического/империалистического) мироустройства и построением праведного Светлого будущего — «Нового неба и Новой земли» — для всех.

¹ Об утверждении Наставления об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах: приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 879. URL: https://сзао.мск.мвд.рф/Dlja_grazhdan/Pravovaja_pomoshh/документы/приказ-мвд-россии-от-25-ноября-2019-года (дата обращения: 09.11.2020).

² История СССР/РФ в контексте современного россиеведения / под ред. Е.И. Пивовара и А.Б. Безбородова. — М.: Проспект, 2011. — 400 с.

И хотя внутри СССР слово «империя» в качестве историософской саморефлексии применительно к периоду «построения социализма» оказалось табуированным (в результате возобладания негативных коннотаций в связи с однокоренным, но сущностно иным по смыслу словом «империализм»), то извне СССР воспринимался в основном не иначе как «Советская империя», «Красная империя» (а на закате и вовсе удостоился от противников по холодной войне эмоционально перенасыщенного ярлыка «Империя зла»).

Сразу после краха Советской империи силы, пришедшие к власти в «новой», постсоветской России, поспешили «отряхнуть прах» и заявить о полном отказе от «имперских амбиций». В определенных кругах само слово «империя» стало восприниматься как ругательное, вне всякого исторического контекста и аксиологического смысла.

Однако довольно скоро наглядные последствия реставрации худших черт капитализма в постсоциалистической и постимперской России и на всем постсоветском пространстве создают условия для ренессанса имперской идеи России и вынуждают патриотически настроенную часть политических и интеллектуальных элит ставить вопрос о восстановлении имперскости российской государственности как возвращении смысла России в истории¹.

К примеру, в главнейших вузах России стало возможным издание толстых коллективных монографий с такими говорящими сами за себя имперско-ностальгирующими или имперско-пророческими заглавиями, как: «Империя Россия»², «Россия державная»³, «Имперские предчувствия России»⁴ или проведение круглых столов на тему «Империя как форма бытия российской цивилизации» (которая и легла в название данного текста⁵).

Так или иначе, но по состоянию «на сегодня» поставленная проблема — проблема осмысления имперской сущности цивилизации «Россия» и попытки вербализации мировоззренческих императивов ее государственной политики — остается крайне осложнена концептуальной разнородностью, идеологической «заряженностью» и аксиологической неоднозначностью использования самого понятия «империя» в специальной научной литературе⁶ (не говоря уже о публицистике, беллетристике и тем более всевозможных вариантах употребления и злоупотребления этим словом в средствах массовой информации и коммуникации).

Учитывая ограничения по жанру, формату и объему настоящего текста, вынужденно прибегнем к предельной редукции: «империя» не сводима ни к нетривиальной форме политического режима, ни к какой-либо специфической форме правления, ни даже к уникально сложной форме государственно-территориального устройства. Терминологический и методологический инструментарий теории и истории государства и права, политологии, социологии и обществознания в целом (до сих пор продолжающего испытывать генерализующее влияние западоцентризма и якобы универсальных транзитологических схем Европы и США) во многом устарел и нуждается в переосмыслении и обновлении: транзит российской истории осуществляется отнюдь не по плоской евроамериканской (выдаваемой за общечеловеческую) кальке: «империя — демократия», а скорее по нелинейной отечественной траектории «империя — смута — империя». А, например, священные для Запада конституционализм⁷ или многопартийность⁸ в условиях российской имперской системы могут приобретать совершенно иное, не свойственное и не доступное западному обществознанию наполнение.

1 См., напр.: Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» // Новый исторический вестник. 2013. № 3. С. 98—147.

2 Империя Россия. М.; Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 512 с.

3 Россия державная. М.; Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. 472 с.

4 Имперские предчувствия России. М.; Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005. 432 с.

5 См.: Российская власть как фактор исторического процесса // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 259—262. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7473>.

6 См., напр.: Бабашкин В.В. Свобода в хоре, или из двух зол... // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4. С. 628—635. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635> (дата обращения: 12.11.2020).

7 См., напр.: Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии: материалы круглого стола (в 3-х ч.) / В.Ю. Бельский [и др.] // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 4. С. 41—49; 2020. № 1. С. 44—64; 2020. № 2. С. 44—64.

8 См.: Марченя П.П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 41—52. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.05> (дата обращения: 12.11.2020).

В указанном контексте, под «Империей здесь мы предлагаем понимать не столько способ организации институтов и/или пространства, сколько способ организации сознания¹. Это особая, адекватная массовому сознанию форма единения власти и масс. Единения посредством служения императиву (императивам), консолидирующему народ (множество народов) в реальный субъект истории, участвующий в противостоянии Добра и Зла. Причастность к империи и ее императивам дает реальную возможность и государству, и обществу, и отдельному человеку внутри этого имперского/императивного единства приобщиться к смыслу всемирной истории и ее эсхатологии, подняться над проблемами и интересами «частными» и ощутить себя частью великого целого, обрести надежную, вневременную, подлинно социальную (или даже надсоциальную) духовно-нравственную опору.

В зависимости от соответствия либо, напротив, несоответствия государственной политики архетипически укорененным в массовом сознании мировоззренческим императивам, последнее и может ситуативно выступать в конкретно-историческом контексте имперской системы взаимодействия власти и общества России то «фактором социальной стабильности», то «угрозой национальной безопасности»², определяя циклы социокультурной динамики истории российской цивилизации. Точнее, угрозой могут выступать не массы и массовое сознание, а неадекватные им действия властных элит, если они осуществляются в циничном антагонизме с массовыми ценностями, приоритетными установками и ожиданиями народа.

И игнорировать этот факт при определении и проведении социальной политики (и всех прочих «политик») в России — не только теоретически грубо ошибочно, но и практически смертельно опасно (дважды за прошлый век подобная «элитарность» доводила нашу государственность до обрушения).

Медушевская Наталья Федоровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Реализация права человека на достойное существование в современной России

В XIX веке государства мало интересовались социально-политическими вопросами, акцентируясь на выполнении тех функций, которые были направлены на обеспечение безопасности, поддержание общественного порядка, охрану естественных прав человека, первое место среди которых занимало право на собственность. Личное благополучие граждан мало интересовало государственную власть, оно оставалось делом частного характера, результатом индивидуальных усилий — либеральный индивидуализм не предполагал вмешательство государства в частную жизнь субъекта. «В классическом либерализме XIX в. главными положениями становятся тезисы о личной свободе, автономии индивида и частной собственности, которые квалифицируются как ценности, способные обеспечить благосостояние, прогресс общества и достойное существование»³.

Либерализм защищает частную собственность от любых посягательств, в том числе и от посягательств государства, воспекает дух предпринимательства — *beati possidentes* (блаженны имеющие, обладающие имуществом), но одновременно оставляет в стороне вопросы о социальной защите человека, который в силу разных, порой объективных, обстоятельств не может приумножать свои личные блага, самостоятельно решать насущные жизненные проблемы.

Либерально-правовое направление возникло в России во второй половине XVIII века, приверженцы которого (С.Е. Десницкий, Д.И. Фонвизин, Я.П. Козельский и др.) видели в либеральном мировоззрении продвижение царства разума. Позже, в первой половине следующего столетия, декабристы, М.М. Сперанский с уважением воспринимали идеи конституционализма с господством

1 Подробнее см.: Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / С.Р. Аблеев [и др.]. М.: Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. С. 54—112.

2 Марченя П.П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций. М.: Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. 123 с.

3 Кропанева Е.М., Москаленко М.Р. Достойное человеческое существование в российской дореволюционной историко-философской мысли // *Studia Humanitatis*. 2016. № 1. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 09.11.2020).